

ГАЛИНА ЗАСУХИНА-ПЕТРЯНОВА

НЕНАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ НАУЧНОГО РАБОТНИКА

*Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.*

А. Блок

В этом эссе я описала наиболее яркие (во всяком случае, для меня) события, которые, возможно, будут интересны для тех, кто захочет посвятить себя науке. Повествование не носит хронологического характера, не упомянут ряд выдающихся отечественных и зарубежных учёных, с которыми мне повезло встречаться. Это связано с тем, что, упомянув одних, будет несправедливо не отметить других. Естественно, это не касается моих замечательных учителей или тех учёных, которых невозможно не вспомнить как участников, коллег или свидетелей каких-то научных открытий.

Большинство описанных событий относится к периоду моего становления (которое и сейчас, к счастью, продолжается!) во времена советской власти, когда заниматься наукой было увлекательно и престижно (теперь престижно быть банкиром, менеджером и т. п.). Увлёкаться наукой не запрещено и теперь, но в те времена это подкреплялось материально, тогда как теперь начинающий научный работник должен думать о «финансовом допинге», то есть о подработке на стороне. Это абсолютно несовместимо с научной работой, которая требует полной отдачи и ненормированного рабочего дня. Как и прежде, получаю много приглашений на симпозиумы, особенно в последнее время в бурно научно развивающийся Китай, но институты не могут оплатить командировки даже в Дубну. Надеюсь и мечтаю, что наука будет должным образом оценена и наступят лучшие времена.

Путь в науку лежал через письма из тюрьмы

Мой папа был в заключении с 1937 по 1946 год. Он был уже доктором наук, окончил биофак МГУ и работал в Саратове в институте «Микроб», который и сейчас является главным в противочумной защите. Его и других сотрудников обвинили в том, что они готовят чумную эпидемию в Москве. Многим сотрудникам обещали, что, если они сознаются, их немедленно отпустят. Тех, кто «сознался», расстреляли. Папа никак не соглашался, хотя ему в пример

ЗАСУХИНА-ПЕТРЯНОВА Галина Дмитриевна — доктор медицинских наук, профессор по специальности генетика. Вдова академика И. В. Петрянова-Соколова.

ставили его коллег, которые якобы уже дома. Папа был абсолютно честным и никак не хотел сознаться в том, чего он не делал. Год сидел в одиночной камере, потом уже в лагерях Свердловска (теперь Екатеринбург).

Когда я была ещё в 5–6 классах, папа писал мне письма, рисовал изображение микроба, например, евглены зелёной: если взять каплю из зелёной лужи и посмотреть в микроскоп, то обязательно увидишь этот микроорганизм (дома у нас был микроскоп). Таким образом я пристрастилась к миру микроорганизмов, а со 2-го курса занималась в научном кружке на кафедре микробиологии, где моей “научной мамой” была очень красивая, удивительно доброжелательная доцент М. М. Дыхно (впоследствии профессор кафедры). В те времена для того, чтобы поступить в аспирантуру, я получила такой диплом и рекомендацию, но нужно было сдать все экзамены на “отлично”. Конкурс (среди выпускников-отличников) был 4–5 человек на место. Одна моя очень способная приятельница, получив “хорошо” по философии, в аспирантуру принята не была (нужно было сдавать экзамен по специальности, иностранный язык и философию).

В аспирантуре платили вполне достаточную стипендию, и каждые три месяца мы получали “книжные” деньги, чтобы можно было купить нужные книги. В нашем огромном здании в Балтийском посёлке было пять научных институтов, в каждом трудились наши выпускники. Все работали, как говорится, день и ночь. Почти все защитили диссертации.

Теперь всё по-другому. В аспирантуру может поступать каждый, окончивший университет или институт; конкурса нет, поэтому нет зависимости от отметок на вступительных экзаменах. Не берут в редчайших случаях, если претендент получит “два” по специальности. Как только бывший студент становится аспирантом, первое, что он делает – ищет работу с приличным окладом, так как стипендия (6 500 рублей в месяц) может окупить только проездной билет и минимум еды. Если аспирант не был москвичом, раньше за его проживание в общежитии платил институт, теперь – он сам. Самое оригинальное, с моей точки зрения, в наше время – это ответственность руководителя за аспиранта. Если аспирант мало сделал в экспериментальном плане или в срок не написал диссертацию, это означает, что руководитель плохой. Не учитывается, к сожалению, что некоторые, вкусив научные будни, понимают, что не могут заниматься наукой, но хотят иметь научную степень. Руководители должны их тянуть. Другие хотят заниматься наукой, но у них мало времени для занятий в лаборатории, так как они вынуждены работать, а прилично оплачиваемая работа требует много времени.

У меня были очень способные мальчики-аспиранты, но они оказались честными и поняли, что не смогут серьёзно заниматься наукой в таких условиях. У всех уже были научные статьи, но они ушли в бизнес. Все последние годы я получала гранты Российского фонда фундаментальных исследований и Президиума РАН (“Фундаментальные науки – медицине”), и у меня был выбор: или дать деньги научным сотрудникам своей лаборатории, к сожалению, малооплачиваемым, или купить для экспериментов долларовые реактивы. А так как без реактивов работа невозможна, и аспирантам, и сотрудникам доставалось не очень много.

Первая научная статья

На втором курсе института я начала посещать научный кружок на кафедре микробиологии. Чтобы получить возможность вести какую-либо экспериментальную работу, нужно было сделать доклад. Выступила с докладом и я, за что мне вручили традиционный подарок – учебник заведующего кафедрой с автографом. Как я была счастлива! Даже много лет спустя показывала с гордостью своим знакомым эту книгу с подписью профессора.

Экспериментальная работа осуществлялась почти ежедневно после занятий.

После кафедры 2–3 раза в неделю по абонементу ходила в консерваторию. Кафедра располагалась в здании, находившемся между Манежной площадью и улицей Герцена (теперь Никитская), поэтому всё было рядом. В консерватории открывала для себя С. Рихтера, Д. Ойстраха, В. Софроницкого, Г. Нейгауза, Л. Оборина и других. Когда студенты нашей группы радостно ходили в кино (было много замечательных картин!), я с приятельницей проводила свободное время в консерватории.

К концу пятого курса мой руководитель М. М. Дыхно, очаровательная женщина, в которую все студенты были влюблены, обладающая мягким характером, высококультурная, внимательная ко всем студентам, попросила меня написать статью для институтского научного сборника по итогам “моих” исследований.

Сказать, что я была счастлива, значит ничего не сказать. Побежала в Ленинскую (теперь Государственная) библиотеку, несколько вечеров читала литературу по моей научной проблеме. Написала статью. Марина Михайловна, прочтя мой труд, сказала: “Я от тебя этого не ожидала”. Я приняла это за похвалу, обрадовалась и подумала с гордостью, что не зря в школе меня хвалили за сочинения (окончила с медалью), поэтому ничего удивительного нет в том, что написала шедевр. Но следующая фраза руководителя отрезвила и всё поставила на свои места: статья хаотична, неясно, кто проводил эксперимент, не приведены сноски на научные источники. Поняв, что статья – не свалка сведений о собственных научных наработках и цитат, а скрупулёзный анализ сделанного и прочитанного, я работу переделала, и она была принята и напечатана. Я ещё студентка! И уже первая научная работа!

Мой папа, заведующий лабораторией в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, биолог, протистолог (специалист по простейшим: токсоплазмы, пироплазмы и т. п.), зная мои “познания” в немецком языке (переводила небольшие стихи Гёте, Гейне, стараясь облечь их в русскую стихотворную форму), попросил меня перевести для него какой-то научный обзор. Перевела. Получаю от него письмо (он жил отдельно от нас): “Что это – перевод или издевательство над отцом?” Папа меня очень любил, но это резкое обращение ко мне навсегда осталось в памяти.

После того как я “поучилась” переводить, папа дал мне несколько английских и немецких статей для написания обзора в сборник, посвящённый юбилею академика Е. Н. Павловского, крупнейшего учёного, открывшего природноочаговость некоторых инфекционных болезней, авторитет которого в мире достойно оценён.

Написала обзор. Папа отредактировал. Эта обзорная статья была посвящена возбудителю пневмонии, относящемуся к простейшим. В настоящее время многие, заразившиеся ВИЧ, умирают именно от этого вида пневмонии. Таким образом, этот обзор, написанный много-много лет назад, оказался актуальным и сейчас.

Мои учителя

Мы учимся всю жизнь, с раннего детства. в семье, в детском саду, в школе. Позже учимся у всех окружающих людей, познаём бесконечную мудрость книг, начинаем наслаждаться музыкой и нуждаться в ней, восторгаться живописью, архитектурой, уникальностью и совершенством каждого храма, бесконечной красотой природы.

Как можно забыть первую учительницу Юлию Павловну? Мама вернула меня в Москву к первому сентября за два дня до начала занятий. Меня взяли в школу в 7 лет, и я была самая маленькая. Читать умела, но считать меня никто не учил. И я с восторгом смотрела на одну девочку, которая умела сложить 2 и 3. Неужели я тоже когда-нибудь этому научусь? Меня тут же отдали учиться играть на пианино. Когда учительница спросила, умею ли я считать до 10, я с гордостью ответила, что могу даже до 15. В те времена дети были не так развиты, как сейчас, но зато мы сами, без сопровождающих, ходили в школу, и путь был не очень близкий. Никто никогда (ни родители, ни дети) в те времена ничего не боялись. Всё было спокойно.

Учителей московской школы можно перечислять с благодарностью бесконечно. С 4-го класса мы держали экзамены; в 10-м, выпускном, сдавали 11 экзаменов: например, историю с древних времён до новейшей. Мы хорошо знали не только географию, историю, но умели хорошо рассказывать, писать диктанты (и на немецком языке тоже), а сочинения, особенно на свободную тему, были первым опытом сопоставления героев романов отечественной и западной классики, своеобразных творческих параллелей.

С чувством глубокой благодарности вспоминаются педагоги, профессора института. К нам, студентам, преподаватели относились удивительно внимательно, даже ласково.

В аспирантуре моим руководителем была профессор Е. Н. Левкович. Именно с её именем связано открытие вируса клещевого энцефалита. Для меня это имя священо. Она была не просто руководителем моей кандидатской, а потом докторской диссертации, но и другом, учителем в жизни, человеком высокого интеллекта, благородства, достоинства. У Елизаветы Николаевны был особый стиль руководства: дана новая идея, а потом обсуждаются разные грани её воплощения в сравнении с известными фактами в свете современных гипотез. Мы были всю мою и её жизнь (до конца её дней) близкими людьми. Когда я волею судеб оказалась в другом институте (Институте общей генетики АН СССР), навещая еженедельно папу, всегда заходила к Елизавете Николаевне (они жили в одном доме, даже в одном подъезде). Многие ученики, даже став докторами наук, не смогли продуцировать то новое, что всегда было характерно для неё, и просто топтались на данных когда-то идеях.

В 1964–1965 годах в здании Зоологического музея биофака МГУ были организованы лекции по классической генетике (известное “заккрытие” этой науки произошло после лысенковской сессии ВАСХНИЛ 1948 года). Целый год мы слушали выдающихся учёных, в том числе Н. П. Дубинина, И. А. Рапопорта и многих других. И. А. Рапопорт совместно с Ш. Ауэрбах (1948) открыли новое явление – способность некоторых химических веществ вызывать наследственные изменения в живых организмах. Иосиф Абрамович обладал огромной эрудицией в разных областях естественных наук, создал уже в 1950–1970 годах класс супермутагенов – соединений, вызывающих взрыв мутаций, из которых нужно было отобрать полезные для человека (пшеница, подсолнечник, продуценты антибиотиков и др.).

Иосиф Абрамович, с которым я после его очередной лекции познакомилась, с радостью дал мне свои супермутагены для изучения на вирусах человека и животных. У него всегда было “планов громадье”. Он хотел больше, чем это было возможно. С моей точки зрения, главное в открытии химического мутагенеза – не только в возможностях создания новых форм живого с полезными свойствами при применении мощных индукторов, но и в необходимости испытания любых соединений в среде обитания человека на мутагенность (пищевые добавки, лекарства, стройматериалы, продукция химических и других производств, воздух городов и т. п.). Мутагены окружающей среды оказались проблемой всего человеческого сообщества. Химический мутагенез – это пример фундаментальной науки, получившей всемирную практическую значимость.

Мне, работавшей с особо опасными вирусами (возбудителями энцефалита), и двум научным сотрудникам Рапопорта, входившим в мою группу, не хватало посуды (тогда у нас одноразовой не было) для опытов, так как её надо было не только дезинфицировать, но и специально обрабатывать. Мне пришлось попросить Иосифа Абрамовича, чтобы ему для сотрудников дали ставку препаратора. Он сразу спросил, какой оклад у препаратора, и сказал, что каждый месяц будет давать эту сумму из своей зарплаты. Мне было стыдно. Не ожидала такого развития событий.

Не буду писать о том, что И. А. Рапопорт был участником, героем Великой Отечественной войны (об этом много написано и снято несколько фильмов). Он был всегда бесстрашным борцом. После его кончины дружу с его супругой, которая посвятила все свои годы (она доктор биологических наук) сохранению памяти о своём выдающемся муже – воине, учёном-генетике, патриоте.

Утверждая идею необходимости учения всю жизнь, вспоминаю и председателя Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций биофака МГУ (я была членом этого Совета) профессора Ю. Б. Кондрашова, который после защиты каждой диссертации специально останавливался на том, что нового он узнал и чему научился. Это полностью относится и ко мне: всегда узнаю что-то новое у своих коллег и учеников, то есть всегда учусь.

Первая командировка за границу

Как я упоминала, я защитила кандидатскую диссертацию под руководством профессора Е. Н. Левкович. Неожиданно Елизавета Николаевна было предложено на месяц поехать в Северную Корею, чтобы познакомиться с сотрудниками Пхеньянского института с этим методом. Елизавета Николаевна пригласила с собой меня. Приключения начались на нашей границе в аэропорту

Шереметьево. Нас попросили открыть чемоданы. И у Е. Н., и у меня там было много рукописей (тезисы наших лекций, описание разных питательных сред и методов культивирования клеток и т. п.). Нам вежливо сказали, что если у нас нет разрешения на вывоз этих рукописей, то они будут оставлены на таможне. У нас никаких бумаг не было. Мы полетели без необходимых материалов. Наши просьбы позже через посольство удовлетворили тем, что эти бумаги нам возвратили за три дня до нашего отъезда обратно в Москву. Поселили нас в прекрасной гостинице, откуда в институт привозили на машине. Когда Е. Н. или я читали лекции (их было несколько на разные темы), зал был полон; и что было для нас совершенно удивительным, что приходили женщины с детьми, привязанными на поясице, которые почему-то ни разу не заплакали. Мы были приглашены на беседу с министром здравоохранения. Во время беседы на самые разные научные и организационные темы был подан традиционный зелёный чай и какие-то рисовые сладости, очень вкусные. В те времена мы не были приучены к культуре чая и пили его дома с сахаром. Поэтому Е. Н. попросила, чтобы нам дали сахар. Нам немедленно принесли его в виде маленьких кусочков рафинада. Мы бросили по несколько кусочков (очень маленьких) в чай. И вдруг, о ужас! Они остались плавать на поверхности (по-видимому, это была пастила!). Мы посмотрели друг на друга и с трудом справились с еле сдерживаемым хохотом.

В завершение нашей командировки в знак благодарности нас повезли на юг страны, к горячим источникам, в места необыкновенной красоты.

Приключения наши продолжились и во время обратной дороги в Москву. Наш самолёт вылетел из Пхеньяна 5 ноября и должен был сделать посадку в Иркутске. Если мы улетали из Пхеньяна в золотую осень, то в Иркутске трещали морозы и гудели ветры. Была нелётная погода. Аэропорт был переполнен людьми. Гостиницы при аэропорте не было, но нам в помещении аэропорта нашли комнату с тремя кроватями. На нашем самолёте возвращался с гастролей ансамбль Моисеева, но и ему устроиться было негде. К нам в комнату подселили милую француженку. Я была счастлива “потренироваться” с нею в языке. После краткого разговора она спросила меня, где перед сном можно принять душ. У нас в комнате был кран с холодной водой, и, конечно, ни о каком душе не могло быть и речи. Поняв местные “сложности”, она попросила меня организовать ей доставку чемодана, чтобы на ночь была ночная сорочка. Пришлось объяснить, что багаж в самолёте, который занесён снегом и, следовательно, недоступен. Мы с Е. Н. могли оценить исключительно внимательное отношение к научным работникам (в те времена они были высоко уважаемыми!), которых разместили в одном из немногих помещений аэропорта. Но не знаю, смогла ли оценить российский комфорт наша француженка, которая вежливо улыбалась, но, по-моему, так и не смогла понять, как можно лечь спать без душа и ночной сорочки.

Как создавалась вакцина против клещевого энцефалита

Как только в 1958 году я подала диссертацию в Совет по защитах в АН СССР (тогда защиты были только на Совете, состоящем из учёных разного профиля в АН СССР, поэтому очередь “жаждущих” длилась много месяцев), моя замечательная Елизавета Николаевна дала мне тему новой научной работы: “Создание культуральной вакцины клещевого энцефалита”. Приходилось работать ночами, чтобы выявить все оптимальные условия для создания безопасной вакцины. Наконец, экспериментальная партия была создана. Конечно, первыми привитыми были Елизавета Николаевна и я.

Нам разрешили привить 100 добровольцев в училище села Максатиха Тверской (тогда Калининской) области. Заведующий отделом эпидемиологии профессор О. В. Бароян (впоследствии академик АМН СССР, заместитель генерального директора ВОЗа, директор Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи АМН СССР) согласился быть “арбитром”, и мы поехали с ним на “Волге” с экспериментальной вакциной в руках. В глухом лесу машина сломалась, и шофер пошёл в ближайшую деревню за помощью. Мы очень насыщенно провели эти случайные 2-3 часа, читая стихи. О. В. Бароян знал их очень много, но и мне не пришлось краснеть за незнание русской и даже немецкой (Гёте, Гейне) поэзии.

К счастью, вакцина оказалась безопасной и эффективной.

Работа с академиком Н. П. Дубининым

Защитив докторскую диссертацию (я была старшим научным сотрудником), я получила группу из 9 человек, из них два сотрудника числились у И. А. Рапопорта в институте химической физики АН СССР. Иосиф Абрамович прикомандировал их ко мне, и они вскоре защитили под нашим руководством кандидатские диссертации. В те времена мы часто принимали участие в разных конференциях. В начале 1970-х я решила узнать о новых достижениях в области молекулярной биологии, которые докладывались ежегодно в Мозжинке (под Звенигородом). Там я познакомилась с двумя сотрудницами лаборатории академика Н. П. Дубинина Института общей генетики АН СССР и поняла, что очень интересно с ними работать. В процессе наших совместных работ познакомилась с Н. П. Дубининым, появилось несколько совместных публикаций. В дальнейшем обе дамы защитили кандидатские диссертации (руководители Н. П. и я). Однажды летом 1973 года меня пригласили прийти к Николаю Петровичу. Это часто и раньше случалось при обсуждении и планировании наших совместных работ. Приехала. К Николаю Петровичу, между прочим, любой сотрудник мог войти в любое время (а он каждый день был в институте с 9.30 до конца рабочего дня). При этом Н. П. постоянно писал (у него огромное число монографий, статей, очерков и даже стихов в книге "Муза в храме науки"). Взяла с собою последние результаты наших совместных работ. Николай Петрович, не обращая внимания на мои бумаги, которые я уже разворачивала, вдруг говорит, что приглашает меня работать в его институте на должности первого заместителя директора по науке. Сказать, что я удивилась, было бы неправдой. Была изумлена. Наверное, если бы он объяснился в любви, я была бы поражена меньше (хотя для этого никаких поводов не было!). Он сказал, что согласовал это с президентом АН СССР академиком В. Л. Келдышем и с райкомом КПСС, поэтому просит меня не отказываться. Детали не имеют значения. Единственное, что я попросила, это чтобы некоторые мои сотрудники перешли в институт для продолжения наших исследований. В дальнейшем так всё и было, и мои сотрудники, и два сотрудника, которые работали у меня от И. А. Рапопорта (И. А. на это согласился), образовали новую по тематике лабораторию генетики вирусов.

Пять лет я проработала в должности заместителя (этот срок был изначально определён), а потом осталась в роли заведующей лабораторией. Поняла, что административный пост – не моё призвание. Жалко было терять время на участие, например, в заседаниях по противопожарной безопасности. Когда я читала научную статью, "слушая" лекцию на эту тему, мой сосед (по-видимому, тоже зам) с возмущением сделал мне замечание: занимаюсь не тем, что важно. Наверное, он был прав. Но времени на науку, на чтение научных статей, осмысление наших опытов в новых условиях существования, где всё приходилось организовывать с нуля, было безумно мало. Приходилось ходить на заседания по оборонной тематике, на заседания по науке в райком КПСС, иногда к нашему куратору в МК и ЦК КПСС, в Госкомитет по науке и технике при Совете Министров СССР, где мы организовали секцию "Генетические вопросы проблемы "Человек и биосфера", заседания которой проходили не только в РСФСР, но и в союзных республиках. При этом я стала членом экспертного совета ВАК по биологии, членом совета по защите диссертаций по генетике в МГУ, членом совета по биологии Всесоюзного общества "Знание".

Мексиканское путешествие

В феврале 1975 года Всесоюзное общество "Знание" сформировало группу из научных работников разных специальностей (медицина, история, политология, биология и т. п.), я представляла биологическую науку. Мы посетили в Мексике несколько городов и встречались с журналистами. Некоторые вопросы для нас оказались сложными, например, почему у нас в школах нет сексуального воспитания. Наши ответы освещались в газетах очень доброжелательно, всё прошло без особых происшествий.

Ещё перед началом путешествия нас предупредили, чтобы мы взяли курительные трубки. В Москве, утопающей в сугробах, как-то не очень верилось, что где-то очень жарко. Но когда нас привезли в курортный город Акапулько,

на завтрак попросили прийти в купальных костюмах. Столы стояли вокруг бассейна, можно было выкупаться и вернуться за стол. Я взяла с собою один купальник. После завтрака мы все пошли в купальниках на пляж, после этого опять в том же мокром купальнике — в отель. Нас хорошо поили-кормили, но у каждого было всего по 15 долларов, а купальники там, как и вообще на курортах, стоили дорого. По этой причине я в одном и том же мокром купальнике пребывала и утром, и днём, и вечером, чувствовала себя совсем не уютно (вечером гуляла тоже в купальниках). Несмотря на всю привлекательность этого дорогого курорта (это была моя первая зарубежная поездка в капиталистическую страну), мне было очень приятно надеть платье и покинуть это восхитительное место.

Американские впечатления

В США я была много раз с 1975-го по начало девяностых, то есть во времена Советского Союза. Первые годы мы посещали Америку в рамках межправительственного соглашения по охране окружающей среды, а в последующие годы меня приглашали для чтения лекций (Гарвардский университет, Северо-Восточный в Бостоне, Мичиганский университет, Нью-Йоркский университет, а также в институты Северной Каролины и т. п.). В те времена нас часто приглашали и принимали на самом высоком уровне.

Нужно подчеркнуть, что при выборах президента США в те времена огромное значение придавалось отношению кандидата к охране окружающей среды, тому, что нового в этой сфере предлагается, сколько финансов обещают выделить на решение этих проблем, как будет развиваться международное сотрудничество. Тогда нас приглашали в США и по линии межправительственного соглашения между АН СССР, Министерством здравоохранения СССР и Агентством по охране окружающей среды США. Культурная программа включала посещение музеев (Гуггенхайма, Современного искусства, Метрополитен, Фриковская галерея и т. п.), просмотр спектаклей (балет Баланчина и т. п.); в некоторых поездках — приглашения в частные дома на обед (по-нашему — на ужин в 7 часов вечера). Ужин-обед начинали с лёгких закусок и коктейлей, а потом продолжали в ресторане с рыбными или мясными блюдами с огромным количеством разных приправ. К лёгким закускам дома относились сырые шампиньоны, нарезанная полосочками морковь, цветная капуста и, конечно, разного сорта приправы — от острой до почти безвкусной.

Однажды директор института, гостем которого я была, читая лекции, предложил мне посетить дом, где живёт его дочка-студентка со своим молодым человеком. Это был небольшой двухэтажный особняк с гостиной внизу, спальными комнатами и кабинетом наверху. Мне вспомнился роман Д. Лондона “Маленькая хозяйка большого дома”, о чём я с улыбкой напомнила пригласившему меня профессору и его дочке. Увы! Никто не слышал ни о Д. Лондоне, ни об этом романе. Они объяснили, что дочка учится на врача, да и сам директор не филолог. А наше, даже нефилологическое образование включало классиков американской литературы.

Теперь другие отношения с США. Не знаю, кого приглашают в настоящее время. Теперь я получила и получаю много приглашений в Китай (в том числе на генетический конгресс 2017 года), где в настоящее время проводятся самые интересные исследования по генетике.

Вернёмся к США. Если говорить честно, то в первой поездке в Нью-Йорк на советско-американский симпозиум меня просто поразили (не удивляйтесь!) туалеты. И в институтах, и в университетах, и в каких-то общественных или культурных организациях это были просторные, с приятным запахом помещения с креслами, где можно было отдохнуть, где на стенах висели шкафчики с дамской косметикой (бесплатно). В одной из поездок мы с коллегами ехали среди лесов Калифорнии. По дороге не было никаких жилищ. Кто-то захотел остановиться. Я по наивности решила, что будет возможность познакомиться с восхитительным лесом. Но мы продолжали ехать и ехать. Остановились, увидев на опушке леса небольшой домик, оказавшийся туалетом со всеми удобствами.

Одним словом, “туалетная” культура в США очень высока.

Конечно, много поражает в США. В зимний сезон как-то раз проснулись, радуясь ясной, солнечной погоде. Но сопровождающая нас переводчица

(во время советско-американского содружества всегда был переводчик, решающий также все вопросы передвижения, посещения институтов, организации встреч) объявила, что в час дня, сразу после ланча, который по всей стране начинается в 12 часов, ожидается метель. В это трудно было поверить, но почти точно в названное время голубое небо исчезло, всё вокруг мгновенно окрасилось в бело-сероватый цвет. Город стал. Ни о каком продолжении путешествия не могло быть и речи. Все было закрыто, а привычный для нас гололёд оказался непреодолимым препятствием для каких-либо передвижений. Нам нужно было попасть в другой город, чтобы успеть на наш рейс. Мы перелетели из одной части Нью-Йорка в другую на вертолёте (погода немного успокоилась).

Когда мы перелетали из одного города в другой, нас никто не встречал, так как всегда был сопровождающий переводчик. Однако, приехав в Хьюстон, мы были приятно удивлены: нас встречал профессор, главный редактор журнала “Биохимическая генетика”, который препроводил нас в прекрасный ресторан на завтрак. Профессор предложил нам изысканные блюда, которые умеют готовить только в этом ресторане. Мы радостно всё вкушаем. В момент расплаты наша милая переводчица говорит, что каждый платит за себя. Сказать, что мы были изумлены, было бы неправдой, потому что мы были испуганы. Этот город был последним пунктом нашей поездки, и наши финансовые возможности были на пределе. Дело в том, что в АН СССР каждому из нас давали по 10 долларов в сутки, и в те времена никаких обменников не существовало. Каждый из нас заплатил за роскошный завтрак почти все оставшиеся доллары. Пережив этот шок, мы услышали от нашего “хозяина” приглашение на обед от крупнейшего профессора-генетика, автора знаменитой монографии по генетике человека. Не сговариваясь, мы дружно отказались, ссылаясь на отсутствие аппетита после столь сытного завтрака. Но всё-таки нас ожидал счастливый конец этого путешествия. Приглашавший нас профессор решил показать нам свои луга, раскинувшиеся примерно на 20 гектарах. Он купил их, облетая раскинувшиеся внизу просторы на маленьком самолёте, приобретённом специально для этой цели. Богатый владелец угодий сказал, что вообще не нуждается в деньгах, но всё-таки за деньги сдаёт свои луга, объясняя, что это и есть капитализм. Нужно сказать, что наша переводчица, по видимому, поведала ему, что валюту мы приобрести на родине не можем. Возможно, поэтому наш обед с профессором всё же состоялся без нашего финансового участия.

Во время одного из наших визитов в США было устроено путешествие по реке Гудзон (Hudson). Перед нами открылась поразившая нас картина с видом на Манхэттен: огромные, до неба серые дома, ни деревьев, ни машин, ни каких-то признаков жизни. Казалось, что это необитаемая, вымершая цивилизация. В Египте, в котором довелось побывать, пирамиды вызвали восхищение, а в США подобные урбанистические пейзажи — мрачные мысли.

Американские учёные, с которыми удалось встречаться, удивительно доброжелательные, внимательные люди, с которыми можно бесконечно обсуждать научные темы. Если первые годы, приезжая по приглашениям для чтения лекций, я жила в гостиницах, то последние годы у ставших друзьями американцев. В Северной Каролине директор института со своей женой Кристин предложили мне занять одну из пяти спален (естественно, с туалетами-душами): пять их детей уже покинули родительский дом, и спальни стояли пустыми. Читая лекции в Мичиганском университете, я жила также в отдельной спальне у профессора этого университета Вероники (в прошлом она была монахиней).

Внимательность и доброту этих американцев можно оценить по одному забавному эпизоду. Однажды в жаркий день я сказала Кристин, что у неё очень красивая и подходящая для этой погоды шляпа. Она, смеясь, сказала, что эта шляпа очень удобная и стоит всего один доллар. Гола через полтора-два мы встретились с Кристин и её мужем на симпозиуме в ГДР. Каково же было моё удивление, когда она вручила мне в качестве сувенира огромную лёгкую коробку с такой же, как у неё, широкополой шляпой! Дальнейший мой путь с этой коробкой у всех вызывал любопытство и удивление: что такое может быть в этой большущей коробке?

Вспоминается один из многих забавных эпизодов на американской таможне. Дело в том, что в 1980-е годы у нас в институте мы даже не знали,

сколько стоит какой-нибудь реактив. Заказывали в отделе снабжения, и в течение недели всё обычно появлялось на лабораторном столе. Однако это касалось только отечественной продукции. Валюты для реактивов давали мало, её всегда не хватало. И однажды в США мой коллега попросил полиакриламидный порошок (белого цвета) в одной из лабораторий, которые мы посетили. Ему радостно отсыпали нужное количество. И вот перед возвращением в Москву мы спохватились, что на таможне, где часто просят открыть чемодан, могут заподозрить в этом безобидном реактиве наркотик. Мы уже в ужасе представляли возможное тюремное заключение — скандал, одним словом. На счастье, всё обошлось. В самолёте мы радовались, что на этот раз чемодан не требовали открыть.

Что такое патриотизм

*Любовь к Родине — первое достоинство
цивилизованного человека.*

Наполеон

Не претендуя на научную или общественную интерпретацию, могу сказать, что патриотизм для меня — это невозможность жить в другой стране. Прежде всего, люблю наших людей, безмерно добрых, прощающих, ищущих и надеющихся всегда на справедливость, бесконечно терпеливых, обладающих нравственным благородством. Мне трудно представить себе жизнь без Москвы с её милыми старинными особнячками, нечаянно устоявшими в смутные времена, которых, к сожалению, немало перенесла наша любимая Родина. Но, наверное, самое главное — невозможность представить своё существование, когда рядом нет близких тебе людей: родственников, друзей, приятелей, даже тех, с которыми резко расходишься в оценках, но всё равно они тебе дороги. Мне очень близки строки К. Симонова:

*Взял бы в рай себе друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.*

Всегда горжусь своими друзьями, которые “отобрались” из очень многих знакомых, достойных людей.

Я принадлежу к поколению, у которого детство связано с военными годами, с праздником Победы 9 мая 1945 года, ликованием на Красной площади в этот день, с чувством гордости на параде 24 июня 1945-го, когда на белом коне гарцевал на главной площади столицы маршал-победитель Г. Жуков.

Как генетик, верю, что эта любовь к Родине, которую трудно передать словами, является наследственным свойством. Русская эмиграция первой волны, жившая в Париже или других столицах и зарубежных городах, оставалась глубоко русской.

В 1980-е годы, много раз возвращаясь из зарубежных командировок, старалась привезти для своих близких, друзей, сотрудников какие-то сувениры. Обмен денег был невозможен, поэтому каждый доллар в таких поездках имел значение. Маленькие подарки радовали и одаряемых, и меня.

Какими бы интересными и содержательными ни были мои заграничные поездки, в какой-то момент возникало просто неодолимое желание скорее оказаться дома, хотя на Западе у меня появились друзья. В Австрии им стал директор института биологии Ханс в Зайберсдорфе (Forshung Zentrum, рядом с Веной), с которым у нас были совместные работы и публикации. Со своей милой женой он приглашал меня к себе, даже когда ушёл на пенсию. И всё же при любых возможностях я старалась из командировки хоть на несколько дней раньше вернуться на родину.

Я далека от осуждения людей, которые уже уехали или мечтают жить в другой стране, просто лично для меня это оказалось неприемлемым. Люди разные. Наверное, нельзя требовать, чтобы все были патриотами. Гордость за свой народ, страну, уникальную цивилизацию и культуру, возможно, нужно прививать, воспитывать, но, мне кажется, у русских это в генах. Изумительный австрийский поэт Р. М. Рильке сказал: “Все страны граничат друг с другом, а Россия — с Богом”.

На конгрессе в Колумбии

Однажды нам, заведующим лабораториями, объявили, что в институт приедет ректор университета INCCA в Боготе (Колумбия), и каждый из нас должен кратко рассказать о своей работе. Сбравшись в кабинете директора, мы бодро рассказали, кто что делает и что нового хочет получить и узнать. Примерно через месяц меня вызывает директор и объясняет, что Академией наук получены приглашения для трёх учёных на конгресс по глобальным проблемам человечества в Боготу. Приглашёнными были президент АН СССР А. П. Александров, директор нашего института и я. Полететь смогла только я, но Академия послала на этот конгресс нашего замечательного философа академика И. П. Фролова. В Боготе мы оба разместились в прекрасной гостинице International. Ректор университета сказал мне, какой симпозиум в рамках этого конгресса открываю я своим докладом, текст которого на английском языке ему был вручён. Открытие было очень торжественным, потом я пошла на “свой” симпозиум, чтобы приготовить иллюстративные материалы. Зал был переполнен. Появляется ректор, который объявил, что мой доклад отменяется, так как переносится на пленарное заседание. Это собрание и мой доклад состоялись на следующий день в огромном зале при большом скоплении людей. Ректор, увидев меня, позвал в президиум, и, когда я шла по сцене, он направился ко мне, обнял и поцеловал при свете прожекторов. Я просто окаменела. У нас в те времена такие объятия не были приняты. Мне было сказано, что я должна делать доклад на русском, который будет переводиться на испанский язык. Всё прошло благополучно, с похвалами и просьбой посетить биофак университета и рассказать о наших исследованиях. Кормили в нашем отеле прекрасно, но у меня не было ни копейки денег (взяла с собой несколько долларов, оставшихся от прошлых поездок). Пришлось попросить ректора дать мне немного денег, так как на следующий день мы ехали на экскурсию в Эльдorado. Ректор радостно воскликнул: “Маньяно!” – что означало “завтра”. Увы! Когда после длительной дороги в замечательном Эльдorado мне, извините, понадобилось в туалет, деньги мне пришлось просить у И. П. Фролова.

Но самое интересное было при посещении биофака университета. Мой сопровождающий, который окончил биофак Университета дружбы народов в Москве, сказал, что придёт за мной в гостиницу к 11 часам. Я очень удивилась, потому что ректор просил меня прийти к 10. “Что вы! Никто не соберётся раньше двенадцати!” – заверил меня мой коллега. Мы приехали к 12 часам. Никого! В начале первого стали появляться первые сотрудники. Моя лекция началась около часа дня. Было много вопросов. Но создалось впечатление о не очень высоком уровне научных изысканий.

Что касается “маньяно”, оно так и не состоялось.

Случай из “японской” жизни

В 1990 году я была приглашена в университет Токио для чтения лекций. В 1988 году наша лаборатория совместно с Институтом биологии Научного центра в Зайберсдорфе (Австрия, Вена) организовала симпозиум в Москве. Было приглашено 42 иностранца из США, Японии, Австралии, Австрии, Венгрии и других стран. В нашей лаборатории было открыто новое свойство интерферонов – их антимутагенная активность, то есть способность снижать повреждающее, мутагенное действие радиации (например, быстрых нейтронов), тяжёлых металлов и ряда других соединений. Чуть позже такие же работы проявились в Японии у профессора Сузуки, который также стал участником нашего симпозиума. Интересно, что два наших учёных (один в Москве, другой в Обнинске) написали мне, что у них не подтверждаются наши данные о защитном действии интерферонов против мутагенов, однако после доклада профессора Сузуки почему-то всё стало получаться. Поэтому я поехала в Японию с “ответным” визитом. Время было выбрано роскошное – цветение сакуры. Эту красоту невозможно описать, нужно хоть раз увидеть.

Профессор пригласил меня посмотреть его лабораторию. Меня поразило, что, когда мы вошли, ни один сотрудник не оторвался от работы, не повернул даже головы. У меня, естественно, был подарок – скатерть с шестью салфетками. Мой профессор буквально вырвал этот свёрток, раскрыл его и вручил сотрудникам: одному – скатерть, другим – по салфетке.

И в США, и в Австрии все сотрудники при появлении гостей радостно бросали свои рабочие места и проявляли готовность что-то рассказывать или другие признаки гостеприимства.

Однажды мой профессор с гордостью сказал, что я приглашена на дом к их корифею в области биологии и что это большая честь. Пришли ближе к вечеру. Милый маленький домик рядом с такими же крошечными палисадниками. Входим. Вдруг хозяин солидного возраста и его жена падают на колени, склоняя головы почти до пола. Я стою, не зная, что делать. Они поднимаются, всё нормально. Таков обычай.

Меня попросили прочесть лекцию на фирме, специализирующейся на производстве интерферонов. За это мне предложили или приличную сумму денег, или небольшое путешествие. Я, естественно, выбрала второе. Путешествие в Долину гейзеров по канатной дороге оставило неизгладимое впечатление. Потом маленький отель на берегу озера, по которому плавают изумительной красоты пароходики. Совершив “пароходное” путешествие, посетили местный, по-нашему, краеведческий музей. Показывая разные экспонаты, сопровождающая меня милая студентка, обратила внимание на обычные счёты (на таких у нас в подмосковной деревне подсчитывали стоимость купленных товаров), сказав, что название этого предмета трудно перевести (мы общались на английском языке), но его можно назвать старинным калькулятором. В нашей деревне в те времена эти “калькуляторы” были ещё в обиходе.

Однажды в ВАКе...

Членом экспертного Совета в ВАКе я была более 20 лет, хотя там существует ротация. Но моё пребывание каким-то образом продлевали. Заседания нашего Совета проходили в разных помещениях: на Рождественке в здании Архитектурного института, в Комитете по науке и технике на ул. Горького (теперь Тверской) и т. п.

В те времена (1975–1980 годы), когда мы заседали в Архитектурном институте, наши собрания начинались в шесть часов вечера и продолжались иногда до 10–11 часов. Однажды после очередного заседания, когда “решались судьбы” претендентов на учёные степени кандидатов или докторов биологических наук, один из членов нашего Совета попросил меня, ещё одного коллегу и нашего председателя (крупного учёного, интеллигентного, очень образованного) немного задержаться, так как у него есть бутылка хорошего коньяка. Оставшись, мы, к сожалению, заметили, что закуски нет. Я очень смущённо сказала, что до нашего заседания зашла в кулинарию и купила тесто и маковую смесь для рулета. Все радостно стали уверять меня, что это и есть прекрасная закуска! Такого аппетита у нашего маленького коллектива, уверена, не было никогда.

Эпизод с президентом АН СССР

Ещё один забавный эпизод произошёл в те времена. Наш институт должен был посетить президент АН СССР академик Г. И. Марчук. Он приехал со свитой, все собрались в кабинете директора академика С. В. Шестакова. Это было в четверг, но вдруг раздаётся телефонный звонок, который “вызывает” президента в высокие инстанции. Г. И. Марчук приносит извинения и предлагает встретиться всем в субботу. С. В. Шестаков обращается ко мне с просьбой, чтобы я приехала на своей машине (институтский шофёр не хотел работать в субботу). Институт в то время находился в двух зданиях – на ул. Губкина и ул. 60-летия Октября, то есть лаборатории были на двух территориях. В субботу опять приехал президент, вице-президент, академик-секретарь и другие. Собрались в кабинете директора, а мы, заведующие лабораториями, остались в фойе в ожидании дальнейших действий. В окно видим, что все машины, заполнившие половину ул. Губкина, начали разъезжаться. В это время выходят все высокопоставленные посетители и сообщают, что вначале едут смотреть лаборатории на ул. 60-летия Октября. А машин нет. Президент, очень милый, простой человек, на предложение директора ехать на моей машине (“Жигули” 11-й модели), радостно соглашается. Садимся: Г. И. Марчук, вице-президент, академик-секретарь, директор и я. Я прошу президента пристегнуться, иначе штраф 3 рубля (в те времена!).

Думаю, что вряд ли в истории Академии были такие случаи, когда в одной машине (да ещё не представительского класса!) “путешествовало” так много начальников.

Через некоторое время после ознакомления с нашими лабораториями на ул. 60-летия Октября мы увидели, что весь двор заставлен машинами. К удивлению, Г. И. Марчук говорит с улыбкой нашему директору, что предпочитает обратно ехать на моей машине. И снова в моих “Жигулях” президент, вице-президент и наш директор. Академик-секретарь предпочёл воспользоваться своим транспортом. Потом мы долго шутили, что мой автомобиль можно удостоить памятной таблички с информацией об этом событии.

Театр начинается с вешалки, а институт – с вахтёра

Однажды сижу в своём кабинете, раздаётся телефонный звонок. Звонит вахтёр и сообщает, что ко мне пришёл какой-то мужчина и он, естественно, этого незнакомого мужчину не впускает. Я быстро спускаюсь на первый этаж и с удивлением вижу смиренно сидящего на скамейке академика-секретаря биологического отделения АН СССР академика М. С. Гилярова, крупного учёного, высокоинтеллигентного, необыкновенно скромного человека. Бросаюсь к нему с извинениями и вопросом, почему он не сообщил вахтёру о своём статусе и праве входа в любой институт. Он застенчиво улыбнулся – ему не хотелось искать свои документы. Он вручил мне для моего папы, который в это время был нездоров, памятную золотую медаль академика Е. Н. Павловского, основателя учения о природно-очаговых заболеваниях, крупнейшего учёного в области биологии. Мой папа работал заведующим лабораторией в отделе Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, которой многие годы руководил Е. Н. Павловский. Папа был его искренним, восторженным почитателем. Евгений Никанорович и папа сотрудничали много лет при издании Большой Медицинской Энциклопедии, в которую именно они в “лысенковские” годы “протащили” статьи по классической генетике, за что их вызывали в верхние инстанции, но они отбились.

Возвращаясь к визиту М. С. Гилярова. За несколько дней до нашей встречи Меркурий Сергеевич позвонил мне и сказал, что папа награждён медалью, и он готов её доставить в наш институт. Я, естественно, предложила самой заехать к нему в институт, но он сказал, что едет мимо нашего института. Приехал Меркурий Сергеевич, предварительно об этом не предупредив, по-простому. К сожалению, сейчас я не знаю (конечно, у меня не очень широкий круг знакомых академиков) ни одного академика, который бы сам приехал вручать награду дочери глубоко уважаемого им учёного.

Книжные и музыкальные пристрастия

Классику принадлежит популярное высказывание, что всему хорошему он обязан книгам. Мне кажется, что всё-таки всё лучшее в человеке зависит от людей, его окружающих, и, конечно, от наследственности. Вместе с тем книги – это всегда сопровождающие тебя друзья. Не могу уснуть, если не прочту хотя бы две-три страницы. Первые книжки, которые прочтала до школы, – “Хижина дяди Тома” и “Принц и нищий”. Они убедили в том, что любить человека можно и нужно независимо от цвета кожи. В школе увлеклась стихами, конечно, Пушкиным, Лермонтовым, потом Симоновым, позже переводами Маршака, стихами Ахматовой, Гумилёва и др. Сама сочиняла стихи, даже переводила Гёте (очень любила), Гейне. Мне кажется, что стихи в молодости пишут многие. Просто одни и дальше без этого не могут, становятся поэтами, хорошими или никакими.

Наше поколение, по-моему, почти без исключений, прочло все шесть романов Тургенева, романы Толстого и Достоевского и других классиков. Все читали Д. Лондона, Драйзера, позже Хемингуэя, Сартра и т. д. Последние годы читаю мемуарную литературу. Особенно люблю Серебряный век: Берберову, Ходасевича, Анненкова, Гиппиус и др. Теперь люблю читать книгу Куняевых о С. Есенине, о В. Кожинове, о Л. Леонове, с которым мы с моим мужем до конца его дней общались, восторгались отточённостью каждой его фразы. Очень близок мне В. Распутин. Трудно перечислить всех, с любовью читаемых. В СССР выписывали много журналов (“Новый мир” и др.),

покупали много книг. Последние более 30 лет выписываю только “Наш современник”. Каждый месяц с нетерпением жду очередного номера. Часто хочется позвонить в редакцию или какому-то автору, чтобы поблагодарить и сказать какие-то добрые слова.

С первого класса меня учили музыке. У меня был слух, наверное, ниже среднего, но с годами он немного развился. В годы войны был перерыв. Потом “дошла” до 7-го и 10-го вальсов Шопена, первой части “Лунной” Бетховена. Все институтские годы (шесть лет) приобретала абонементы в консерваторию на последние ряды второго яруса. Послушав наших корифеев, бросила сама играть (о чём до сих пор жалею). Теперь хожу в консерваторию редко, потому что мои приятельницы-спутницы в чудесную музыкальную жизнь, к сожалению, покинули этот мир. Стараюсь слушать, если позволяет время, концерты по программе “Культура”, но хотелось бы, чтобы с классической музыкой был отдельный канал. Когда я читала лекции в Мичиганском университете, мне показали по TV местный канал с круглосуточной классической музыкой, хотелось бы, чтобы что-то подобное было у нас.

Жизнь без книг невозможна, без музыки – трудна.

Post scriptum

Мне очень нравится высказывание Декарта: “Законы общества требуют, чтобы люди помогали друг другу или, по крайней мере, не делали друг другу зла”.

Старалась жить по этому принципу. Последние годы расцениваю каждый день как подарок. По-прежнему получаю удовольствие от чтения не только художественной литературы, но и научной, которая помогает интерпретации наших текущих экспериментов и побуждает (часто без реальных возможностей) сделать ещё что-то полезное. Наши исследования направлены на улучшение некоторых методов лечения людей. Огорчает, что оценка исследования в основном проводится по числу публикаций и “качеству” журнала. К сожалению, самую высокую оценку получают статьи, опубликованные в зарубежных журналах. Во-первых, работы в наших журналах тоже серьёзно рецензируются, поэтому не хуже тех, что публикуются за рубежом. Во-вторых, многие зарубежные журналы требуют какой-то оплаты в долларах. Таким образом, мы поддерживаем финансово “чужие” журналы. К сожалению, в науке импортозамещение отсутствует.

Хотелось бы, чтобы после окончания института молодые люди отдавались науке, поступив в институты РАН или другие научные учреждения, а не стремились найти достойную подработку.

Так хочется надеяться на лучшее...